

## Идентификация сегментов матрицы: рефлексия, культура, цивилизация

В предыдущих публикациях мы идентифицировали три сегмента матрицы, демонстрируя основные особенности соответствующей аналитической работы. Как мы могли убедиться, распознавание матричных сегментов нуждается в строгой интеллектуальной дисциплине в интересах согласованности кирпичиков системного описания. Как правило, идентификация первого (по счету, но не по принятой нами нумерации в структуре матрицы) сегмента не вызывает затруднений. Напомним нашу рекомендацию о том, что начинать необходимо с наиболее очевидного сегмента или с наименее противоречивого. Этим шагом задается отправная точка, но не направление системологического рассуждения. Наиболее сложным является идентификация второго (опять же по счету) сегмента. По сути, этот шаг порождает вектор методологического дискурса. Третий сегмент – верифицирует теоретическую обоснованность этого вектора и, одновременно, добавляет к направленности системного описания – онтологический «объем». Четвертый сегмент, как правило, очевиден или не вызывает затруднений по аналогии с первым.

Итак, для завершения второй стадии структурно-онтологического анализа нам осталось идентифицировать еще один сегмент, который числится в нашей матрице под номером 2 (рис. 4). Эту часть онтологического пространства мы связываем с таким явлением, как – *культура*. Почему для нас такой вывод является очевидным? Для ответа на данный вопрос отметим, что за рамками прошлой публикации осталось уточнение нашего понимания термина – *цивилизация* (1-й сегмент матрицы; рис. 4). В нашем понимании, это явление связано с *культурой*, но не идентично и не синонимично ему. Цивилизацию мы понимаем в контексте парадигмы, сформулированной еще в Эпоху Просвещения французским мыслителем – маркизом Виктором Рикети де Мирабо [1]. Многие историки-науковеды аргументированно считают, что именно Мирабо ввел данный термин в широкий научный обиход в трактате “Друг народа”, вышедшим в свет в 1756 году.

*«По мысли Мирабо, цивилизация возникает тогда, когда формируется социальная система, базирующаяся на гуманных основаниях, исключающая проявления жестокости и диких нравов. Переход социальной системы на стадию цивилизации Мирабо также связывает с высоким уровнем наук и искусств, развитием промышленности и сельского хозяйства, расцветом торговли и денежного обращения. Образцом страны, достигшей высшей ступени цивилизации, для Мирабо была Франция последней четверти XVIII в., по отношению к которой все остальные страны рассматривались им как находящиеся на более низкой стадии развития [2]».*

Однако, сама концепция цивилизации была сформулирована в контексте «городского правопорядка» еще в Античности. Задолго до «...приобретения термином <цивилизация> социокультурного значения (как стадии развития культуры, противопоставленной дикости и варварству) он имел юридическое значение — судебное решение, которое переводит уголовный процесс в разряд процессов гражданских— которое со временем было утрачено» [3]. Таким образом, *цивилизация* связана с гражданским нормированием,

необходимость которого возникает в ситуациях кооперации (Щедровицкий). Философия гражданского права не столько проявляется в карательной функции, сколько в *нормирующей* в том понимании, которое мы раскрыли при рассмотрении *рефлексии-связи* [4]. Цивилизация возникает тогда, когда происходит смещение ценностного акцента с наказания к регуляции. В этом смысле цивилизация – социальное (внешнее) бытийное пространство, которое организовано нормативно и функционирует на основе рефлексии-связи. Суть цивилизации заключается в – коллективизации ценностей и соответствующем нормировании на основе инклюзивности (включения).

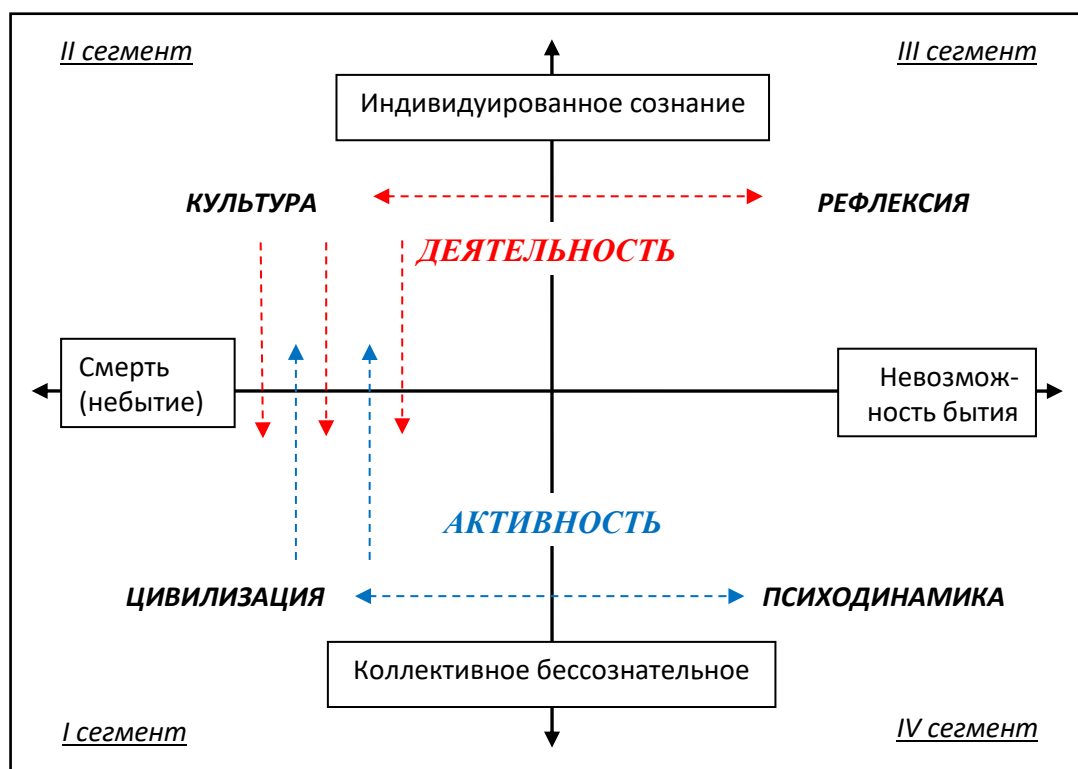


Рис. 4. Структурно-онтологическая матрица социализации личности. Культура и цивилизация.

Разумеется, цивилизация не исключает эксклюзивное (по своей природе) наказание с карательным «прицелом», однако, этот способ регуляции в цивилизационном укладе не может быть доминирующим. Иначе, на наш взгляд, нет оснований для того, чтобы говорить о цивилизации как таковой. Не ограничивает ли такой взгляд онтологию рассматриваемого предмета (социализация личности)? По нашему убеждению – нет, поскольку в карательных условиях тирании по определению не идет речь об *социализации* (скорее – об примитивном оперантном обуславливании). Также нет оснований для рассмотрения такого концепта, как – *личность* (здесь уместнее говорить о дрессированном субъекте). Как видим, личность это – цивилизованный субъект или такой субъект, который развивает способность к рефлексии-связи. Это обеспечивает не только «кооперационную эффективность» по Щедровицкому, но позволяет основному процессу описываемой системы осуществлять разрядку напряжения по цивилизационному руслу, образно говоря,

оцивилизывающая психодинамику. Однако, с другой стороны, субъект оплачивает цивилизационное членство личной подчиненностью коллективным ценностям и растворенностью в группе, которая становится эквивалентом объективности, праведности и целесообразности. Такая расплата за цивилизацию может быть и часто является чем-то субъективно весьма комфортным или, по крайней мере, дарует ощущение стабильности и предсказуемости. Ситуация радикально меняется, когда окрепшая в процессе индивидуации *рефлексия-расщепление* [4] заявляет свои права на дальнейшую судьбу личности.

*«Индивидуация уводит человека из сферы личной подчиненности и соответственно от коллективности. Это и есть та вина, которую идущий по пути индивидуации испытывает перед миром, это и есть та вина, которую он должен постараться искупить. Он должен предложить вместо себя выкуп, т. е. он должен принести те ценности, которые будут его эквивалентной заменой в коллективной личностной сфере. Без производства таких ценностей окончательная индивидуация оказывается неморальной и, более того, самоубийственной. Человек, не способный самостоятельно производить ценности, должен сознательно пожертвовать собой духу коллективной подчиненности. Сделав такой шаг, он оказывается вправе сделать свободный выбор в пользу той коллективности, которой он хочет принести себя в жертву. Только в той степени, в какой человек создает объективные ценности, он способен и может индивидуироваться. Каждый последующий шаг на пути индивидуации приводит к новой вине и необходимости нового искупления. Следовательно, индивидуация возможна лишь до тех пор, пока производятся соответствующие ценности. Индивидуация является эксклюзивной адаптацией к внешней реальности и соответственно представляется в качестве «мистического» процесса. Искупление есть приспособление к внешнему миру. Оно выступает как предложение внешнему миру принять искупительную жертву» [5, с.340-341].*

Производство таких объективированных ценностей, как жертвенного искупления за индивидуационное отчуждение, на наш взгляд, и порождает культуру. Здесь, необходимо сделать два принципиальных уточнения. Во-первых, культура, в нашем понимании, является процессом и продуктом *деятельности*. При этом *культурность* является специфическим признаком деятельности *per se*. Мы считаем, что не существует деятельности вне культуро-образующего поля (2 и 3 сегменты на рис. 4). Культуровоспроизводящая «деятельность» (1 и 4 сегменты на рис. 4) не является деятельностью, какой бы осмысленной, креативной, продуктивной и пр. она ни казалась, как самому субъекту, так и постороннему наблюдателю. Это – активность субъекта, осуществляемая по цивилизационным лекалам. Цивилизационно обусловленная и нормированная активность индивида, включенного в ситуацию кооперации. Аллегорическое различие между рифмованием и поэзией отображает суть нашего взгляда на разграничение активности и деятельности. Даже когда субъект в силу обстоятельств действует автономно или изолированно, т.е. вне явного кооперационного контекста, такой контекст присутствует

имплицитно. И, так называемая, самостоятельная активность индивида детерминирована усвоенными (интериоризированными) цивилизационными имплантатами, к которым мы относим широкий спектр нормирующих инструментов – от родительских сценариев/антисценариев и до принятых правил «уличного приличия» – а-ля не плевать на тротуар (или плевать).

Во-вторых, в дополнении к процитированной мысли Юнга о чувстве вины, мы считаем необходимым добавить страх. И даже поставить эту базальную эмоцию на первое место, среди факторов, мотивирующих культурную деятельность. Индивидуационное отчуждение субъекта «выталкивает» его из привычной цивилизационной «упаковки» не в какое-то «другое» место, а в неизвестность, в трансцендентное *никуда*. Индивидуация в этом смысле несет такую же тревогу, как и смерть. Индивидуация – движение в бытие, опыт которого отсутствует напрочь и он (опыт) не может быть позаимствован. Никак. Заметим с долей шутки, сколько не читай Юнга (тут можем подставлять мириады других имен – Ницше, Кастанеда, Раджниш, Штирнер и мн.мн.др.) – анестезия от издержек личностной трансформации не наступает. Обязательность и уникальность индивидуации наталкивает на еще одно аллегорическое сравнение – научение птенцов летать. Сколько пернатые родители крыльями не демонстрируют отпрыску аэродинамическую суть вопроса – выпадать из гнезда приходится самому... Поэтому индивидуация порождает страх, который является материнской почвой для чувства вины не только перед «преданными» со-кооператорами, но и перед самим собой. Той вины, которая неизбежно возникает после шока падения из уютного (или, по крайней мере, понятного и привычного) гнезда цивилизации и которая является, возможно, первым качественным признаком неподдельной интернальности, готовности брать ответственность за происходящее с самим собой.

Вместе с тем, мотивационное наполнение деятельности выходит за рамки только лишь редукации «мрачных» аффектов страха и вины. В культуру-порождающей деятельности, на наш взгляд, присутствует попытка «вернуться в гнездо» в новом качестве. Регрессивный возврат (описываемый Юнгом, как «регрессивное восстановление персоны») мы здесь не рассматриваем, поскольку вместе с «успешной» регрессией происходит восстановление статуса цивилизационной «утопленности» субъекта и деятельность откатывается к активности. При сохранении культурной установки субъект не в состоянии быть «прежним» и, поэтому, не может избавиться от страха, искупить вину и т.д. просто посредством добросовестного исполнения своей предыдущей роли, функции и т.п. В новом (читай – индивидуализированном) статусе субъект уже разотождествлен с цивилизационным пространством и видит его со стороны, а не изнутри, как это было ранее. Индивидуализированный взгляд по своей природе рефлексивен, а посему культурная деятельность (напомним еще раз, что некультурной деятельности, на наш взгляд, не существует) всегда – методологична. Поэтому искупление неизбежно несет новаторский трансформирующий импульс в адрес консервативной цивилизации. Культура – динамична, революционна и глубоко индивидуалистична. Порождаемые в деятельности и предназначаемые для цивилизации ценности не обладают простой «добавочной» природой, поскольку они генерируются пост-цивилизованным субъектом.

Здесь наша позиция существенно опирается на взгляды Освальда Шпенглера [6], изложенные, в ставшей классической работе «Закат Европы», где он определил культуру, как «человеческую индивидуальность высшего порядка» и обосновал тезис о том, что «каждая новая культура пробуждается с неким новым мировоззрением» [7]. Мировоззрение не может быть коллективным по критерию происхождения. Коллективно разделяемое мировоззрение, по сути, является идеологией. В свою очередь, идеология – одна из форм и инструментов цивилизационного нормирования. Что же касается мировоззренческого источника, то он – безальтернативно уникален. Индивидуация – механизм реализации уникальности субъекта. Поэтому культура изначально наряду со свойствами индивидуалистичности обладает характеристиками пространственно-временной локальности. Культура порождается индивидуацией отдельно взятых субъектов и ее продукты («дары искупления») вступают в драматическое взаимодействие с цивилизацией. В этой связи Шпенглер формулирует гениальную мысль: «Цивилизация возникает там, где умирает культура». Особенности этого взаимодействия вместе с другими вопросами мы продолжим рассматривать в следующий раз в рамках третьей стадии структурно-онтологического описания – анализ межсегментных связей матрицы.

*Виталий Шимко*

#### **Ссылки:**

1. Мирабо, Виктор Рикети [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мирабо,\\_Виктор\\_Рикети](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мирабо,_Виктор_Рикети)
2. Понимание цивилизации и культуры в трудах в. Р. Де Мирабо [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://studfiles.net/preview/1844663/page:20/>
3. Цивилизация [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация>
4. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. — Издание 2-е., М.: «Когито Центр», 2010. - 352 с.
6. Шпенглер, Освальд [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шпенглер,\\_Освальд](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шпенглер,_Освальд)
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О.Шпенглер. М. 1993.

Идентификатор публикации: DOI 10.5281/zenodo.3068771